

О. Л. ВАЙНШТЕЙН

ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Американский историк Теодор фон Лауэ сообщает, что в США только по истории печатается за один год 500 тыс. страниц; если читать их в течение года по 24 часа в сутки, то останутся непрочитанными 60 тыс. страниц.¹ А если присоединить сюда литературу по социологии, философии и методологии истории и другим социальным дисциплинам, то число страниц, выходящих за один год, составит уже несколько миллионов. Но ведь остается еще неучтенной огромная продукция других стран. Таким образом, попытку дать о ней полное представление можно сравнить с намерением при современных средствах космических полетов совершить путешествие по всей нашей Галактике.

Еще одна, хотя и несравнимая с предыдущей трудность — это узкоспециализированный язык философско-социологической литературы, вызвавший уже в начале нашего века осуждение со стороны Ленина, писавшего о засорении мысли «невероятным словесным сором».² И по сей день продолжают в печати жалобы на «ужасный жаргон социологов», злоупотребляющих терминами биологических и математических наук: «объективированность реалий», «парадигма познания и адекватный ориентации континуум», термины «концептуализация», «гомеостазис», «артефакт», «конкотенация» — таковы образцы словечек и выражений, извлеченные среди множества им подобных из одного только сборника Института философии Академии наук СССР.³

Начнем с простейшего вопроса — возникновения понятий «история», «философия истории», «социология» и их соотношения с науками, представляемыми этими словами.

¹ Laue T. H. von. [Реп. на кн.] Danto E. History the Betrayer. — History and Theory, 1961, v. VI, № 2, p. 228.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 355.

³ Философия. Методология. Наука. Отв. ред. В. А. Лекторский, М., 1972.

Известно, что слово «история», означавшее у древних греков «исследование», «разыскание», впервые применил в V в. до н. э. Геродот, отчего спустя четыре столетия он получил от Цицерона почетное звание «отца истории». История у древних означала вообще всеобъемлющее знание: «История греко-персидских войн» Геродота, «История животных» Аристотеля, «История растений» Теофраста, «Естественная история» Плиния и т. д. Эта идущая от древних традиция отразилась в замечании молодых Маркса и Энгельса в «Немецкой идеологии»: «Мы знаем только одну единственную науку, науку истории. Историю можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей».⁴

Значит ли это, что истории как знания о событиях прошлого до Геродота не было? Конечно, нет. Элементы истории как закрепленного сначала в устной традиции, затем в письме знания о событиях прошлого имелись задолго до Геродота — например, у народов Древнего Востока.

Термин «философия истории» впервые ввел Вольтер, назвав так свой труд, опубликованный в 1765 г.⁵ Из этого, разумеется, вовсе не следует, что философия истории как таковая отсутствовала до Вольтера: философско-исторические соображения, попытки установить в историческом процессе некий смысл, закон или последовательность смены эпох от «золотого века» до «железного» находим еще у Гесиода и в древнейшей мифологии (см., например, рассказ о «сне Навуходоносора» в библейской «книге Даниила» и т. п.).

На историческую мысль средневековой Европы оказали влияние богословы — Августин («О граде божьем») и Фома Аквинский; в эпоху гуманизма — Боден, Ла Попленьер, Макьявелли, Кампанелла и другие мыслители, считавшие историю частью философии. В первой половине XVIII в. их взгляды углубил Джамбаттиста Вико, родоначальник идеи круговорота истории.

Во Франции XVIII в. формируются взгляды философов Просвещения о «безграничном прогрессе человечества» (Кондорсе), в Германии — философия истории Гердера, затем Гегеля, от которого один, но гигантский шаг до диалектико-материалистической философии истории Маркса-Энгельса — вершины развития представлений о сущности, направлении, смысле всемирно-исторического процесса.

То же справедливо и для термина «социология», придуманного Огюстом Контom и впервые введенного им в научный оборот в «Курсе позитивной философии».⁶ Для Конта социология — это «социальная физика», т. е. столь же «позитивная» наука, как естествознание.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 16, прим.

⁵ Voltaire. La philosophie de l'histoire. [Genève], 1765.

⁶ Comte Aug. Cours de philosophie positive, T. IV. Paris, 1840.

В буржуазной философско-исторической литературе XIX — начала XX в. социологию вслед за Контом отождествляли с философией истории; в XX столетии ее зачатки находили у древних; но особенное распространение получило признание «отцом социологии» арабского историка XIV в. Ибн Халдуна. Французский академик Бувье-Ажам в книге «Опыт методологии истории»,⁷ а до него Монтейль⁸ объявили Ибн Халдуна, автора труда «*Muqaddimah*» («Прологомены»), «прямым предшественником Конта»; но в Германии их опередил и «превзошел» Курт Брейзиг. Этот ученик Лампрехта в книге «Мастера исторического знания» посвятил главу «превосходству исторического учения Ибн Халдуна над учением Маркса и марксизмом», поскольку, дескать, средневековый арабский мыслитель в отличие от Маркса и марксистов «не сводит все изменения в истории к одному корню — хозяйственной деятельности...».⁹

Однако самые закоснелые реакционеры в философии — теологи предпочитают считать основателем социологии епископа XVII в. Боссюэ. Продолжателями социологической или философско-исторической линии Августина—Фомы Аквинского—Боссюэ выступают в XX в. авторы сугубо богословских католических трактатов: Урс фон Балтазар в Германии, Жак Маритэн во Франции и в США. У. фон Балтазар воскрешает средневековую теологическую концепцию истории в сотне статей 1930—1954 гг. и в «Теологии истории» (1950 г.). Основная тема его работ — «место Христа в истории человечества». Ж. Маритэн, умерший в 1973 г., обвинял Гегеля и Маркса в создании «фальшивой философии истории», пытаясь вместе с тем «примирить» Маркса с христианством,¹⁰ за что его недавно сурово отчитал иезуит и архиреакционер Гастон Фессар.¹¹

С того времени, как Огюст Конт пустил в обращение термин «социология», соотношение между этой наукой и близкими к ней историей и философией истории стало предметом бесконечных споров. Французские позитивисты XIX в. считали предметом социологии «развитие общественных структур» и определяли ее как «научную разновидность истории». Так, контист Лакомб писал: «Правильно объясненная история сама становится социологией».

Против этой тенденции, ведущей к полному отождествлению обеих этих наук, выступил «научный наследник» Конта — Эмиль Дюркгейм (1858—1917), глава французской социологической

⁷ Bouvier-Ajam M. *Essai de Methodologie historique*. Paris, 1970, p. 31.

⁸ *Revue historique*, t. 237, 1967, Apr.—June.

⁹ Breysig K. *Die Meister der entwickelnden Geschichtsforschung*. Breslau, 1936, S. 38.

¹⁰ Maritain J. *On the philosophy of History*. London, 1959.

¹¹ Cp.: Journet Ch. *Jacques Maritain, son oeuvre philosophique*. — *Revue Thomiste*, 1949.

школы. «Социологическое исследование, — писал он, — требует исторической подготовки, но история и социология — науки разные. Социология — это философия и методология истории». Социология и история нужны друг другу, но социология «увенчивает здание исторических наук».¹²

В начале нашего века французский социолог Анри Берр, пытаясь примирить историков и социологов, выдвинул идею исторического синтеза как слияния исторического и социологического методов исследования. Его ученик — Массон-Урсель на конгрессе историков в 1913 г. в Лондоне разъяснил, что синтез Берра направлен против философии истории Маркса как «чистой метафизики».¹³

К этому времени социология уже обросла рядом частных дисциплин, вызвавших разделение на общую и специальные социологии. Общую социологию во Франции полностью отождествляли с философией истории, а частные, или специальные, социологии получили название эмпирических, или конкретных, социологий — государства и права, семьи и брака, труда и промышленности, литературы и искусства, религии и морали.

Зачинателем эмпирической социологии был Фредерик Леплэ (1806—1882), идеолог крупной буржуазии и клерикальных кругов. В 50—60-х гг. XIX в. Леплэ разработал методику изучения жизни, труда, настроений рабочего класса в Европе (которую он объездил до Урала). Его вывод — необходимость беспощадной борьбы с «духом равенства», порожденного среди рабочих Франции революцией конца XVIII в. В общественной науке Леплэ представлял растущий страх буржуазии перед рабочим классом после событий 1848 г.¹⁴ В те же 40—50-е гг. прошлого столетия бельгиец Кетле (1796—1874) поставил задачу статистического обследования морально-политического, а не только экономического состояния пролетариата с помощью математического метода Курно, а к концу XIX в. Габриелем Тардом были заложены основы коллективной психологии.

В 1900 г. Дюркгейм, подводя итоги развития социологии, утверждал, что это — наука «чисто французская». Однако, хотя термин «социология» принадлежит французскому философу Контю, его схема развития общества абстрактна, скудна и идеалистична. Поэтому Маркс и Энгельс игнорировали даже самый термин «социология» как название псевдонауки, тождественной позитивистской философии истории. Но В. И. Ленин в борьбе против социально-экономических взглядов «друзей народа» под-

¹² Bella R. N. Durkheim and History. — American Sociological Review, 1959, v. 24, N 4.

¹³ Siegel M. Henri Berr's Revue de Synthèse historique. — History and Theory, 1970, v. IX, N 3.

¹⁴ Champault P. Frédéric Le Play. — Revue de Synthèse historique, 1913, t. XXVI; см. также: Baudin L. Frédéric Le Play. Paris, 1947.

черкнул, что создателями подлинно научной социологии были Маркс и Энгельс, а не Конт.¹⁵

Ранние попытки французских позитивистов отождествить с помощью сравнительно-исторического метода историю и социологию потерпели неудачу. Уже ученик Дюркгейма — Симиан стал подчеркивать радикальные различия между историей и социологией. Последняя, по Симиану, ищет законов, первая — лишь общих связей между явлениями. Отсюда претензия французских социологов подчинить историю социологии: «*Historia ancilla sociologiae est*» — провозгласил Симиан.¹⁶

Новейшие французские теоретики Р. Арон, А. Марру, антрополог К. Леви-Стросс присоединили к этому острую критику исторической социологии, которая к середине XX в. разбилась на ряд самостоятельных дисциплин или была вытеснена эмпирической социологией, демографией, коллективной психологией, антропологией, этнологией и пр. В итоге социологи, в частности и в особенности эмпирические социологи, утратили интерес к истории. М. Дюверже в своем «Введении в социальные науки» (1960 г.) утверждает, что история учреждений — это и есть социология истории, или «генетическая социология», а история событийная — это вспомогательная отрасль знания, доставляющая социологам только сырье для их выводов. Другой социолог, проф. Сорбонны Ж. Гурвич еще ранее отрицал вообще возможность открывать законы общественного развития, что, впрочем, отвергается во Франции Ф. Броделем и так называемой группой журнала «Анпалы» — ведущим направлением в исторической науке этой страны.

По поводу всей этой линии развития французский марксист М. Дион недавно писал:

«Историческая социология возникла как особая область общественной науки в период восхождения капитализма; ныне, когда сфера капиталистического господства сократилась, и монополистический капитал испытывает сильное потрясение ввиду развития национально-освободительных движений. социологические понятия XIX в. уже непригодны. Перейдя в 30-х гг. на службу капитализму и политической власти (впрочем, это произошло гораздо раньше, — О. В.), социология распадается на ряд мелких специальностей, не забывая и своей роли в идеологической борьбе».¹⁷

Иной была линия развития социологии в Германии, где традиции идеалистической философии истории, идущие от Гердера, Гегеля, Шопенгауэра и Ницше, благодаря обязательным университетским курсам философии (чего во Франции не было) уко-

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 132, 133—134, 136—137.

¹⁶ Davy G. Sociologie. D'hier et d'aujourd'hui. Paris, 1950.

¹⁷ Dion M. Sociologie et dialectique matérialiste. — La Pensée, 1972, № 168, p. 23.

ренились особенно глубоко. В 70—80-х гг. XIX в. философия истории была здесь разделена на «спекулятивную», или «конструктивную», и «аналитическую», или «формальную». Первая сохранила задачи гегелевской философии истории — анализ и оценку исторического процесса, вторая имела своим предметом теорию и логику исторического познания.

В конце XIX—начале XX в. основой этой теории познания была идеалистическая система Дильтея—Зиммеля, противопоставившая социальные науки естествознанию. Их формула: «Природу мы объясняем, общественную жизнь только понимаем», притом различно, в зависимости от «практической позиции». Так возникла «понимающая философия» и на ее основе — «понимающая социология» (*verstehende Soziologie*).¹⁸

На этой же основе развились философские направления экзистенциализма и феноменологии, согласно которым историческое познание полностью субъективно: 1) нет объекта без субъекта; 2) нет и не может быть законов истории. Задача истории — описание опыта прошлого без выяснения смысла и значения этого опыта, ибо это задача не истории, а социологии.

С проникновением в Германию социологии как особой науки (начиная с Лампрехта и его школы), но главным образом в результате итогов Первой мировой войны, Великой Октябрьской революции в России и революционных потрясений в самой Германии, к 20-м годам спекулятивная философия истории переродилась в «социальную философию», или историческую социологию, аналитическая же философия истории сохранилась только как теория исторического познания и методология истории.

Однако констатацией факта исчезновения светской философии истории в Германии, как ранее во Франции и других капиталистических странах, ограничиться нельзя: необходимо объяснить сам этот факт и при этом указать на замену светской философии истории теологической, или христианской. Ее представителями являются преимущественно католические и протестантские духовные особы — отцы-иезуиты, пасторы — специалисты в области богословия. Таковы, например, М. д'Арси, А. Демпф, Р. Нибур, К. Лавит и многие другие. Особенно широко известен Ж. Маритэн — не священнослужитель, но почитатель и последователь Августина и Фомы Аквинского. Гегеля и Маркса он называет «величайшими фальсификаторами божественности», творцами ненавистной ему «лживой философии истории». Содержанием истории для Маритэна является процесс спасения человеческих душ «неизреченной и сверхъестественной милостью божьей», а сама история для него «тайнство», воспринимаемое не разумом, а созерцанием. Цель же его теологическо-философ-

¹⁸ См.: Кон И. С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., 1959, с. 95—99, а также: Jorga N. L'homme et l'oeuvre. Boucarest, 1972, p. 509—530.

ских спекуляций состоит в том, чтобы восстановить утраченный светскими буржуазными идеологами интерес к смыслу истории. Если для современной буржуазии эпохи пролетарских революций, освободительных движений колониальных народов, побед социализма в ряде стран, даже для неверующих идеологов буржуазии, вроде Карла Поппера, история лишена смысла, а понятие безграничного прогресса полностью дискредитировано, то ясно, что тем самым дискредитирована и вся светская буржуазная философия истории: она исчезла в 20—40-х годах нашего столетия, чтобы появиться в новом облике — теологической философии истории.

Наиболее влиятельный в Германии 20-х гг. социолог Макс Вебер ставил задачей своей науки: 1) исследование социальных процессов, 2) развитие культуры и экономики, 3) изучение структуры общественной жизни.¹⁹ В 1955 г. Г. Лукач писал, имея в виду главным образом Германию: «Социология империализма все более покидала наследие философии истории». Перед немецкой социологией между двумя мировыми войнами стояла задача — выяснить, каков же путь дальнейшего развития? Ответом на этот вопрос явилась теория «конвергенции», т. е. «сращения социализма с капитализмом», и теория «единого индустриального общества». Обе теории обычно считаются изобретением американских социологов, но они имеются в зародыше уже у ренегатов марксизма, начиная с Каутского и кончая Гербертом Маркузе, которые противопоставляли Ленина Марксу. С 50—60-х гг. в ФРГ процветает «марксология» — наука извращения марксизма, представители которой Адорно, Дарендорф пытаются доказать, что философия истории Маркса — это «чистейшая метафизика». Они же всячески стараются дискредитировать теорию роста нищеты рабочих при капитализме, понятие антагонистических классов, учение о прибавочной стоимости. Ленинское учение об империализме для них не более, чем «искусственная конструкция».

В итоге социология ФРГ совершенно отошла от истории, на переднем плане оказалась эмпирическая социология, поставленная на службу монополиям и капиталистическому государству.

Здесь достаточно привести следующие факты: социальные науки, под которыми в ФРГ разумеют социологию, политологию, политэкономию и др., в конце 1967 г. изучала шестая часть всего западногерманского студенчества. В ФРГ существует 450 кафедр социальных наук, т. е. столько же, сколько во всех вузах кафедр «гуманитарных» наук (история, филология, история литературы, искусства и т. д.). Эти данные приводит социал-демократ Карл Борхард в газете «Die Welt» от 21 октября 1967 г. Своей статье он дал название «Не опасен ли этот взрыв социальных наук?». Политические и идеологические мотивы этого взрыва раскрыл

¹⁹ Mommsen W. J. Universalgeschichte und politisches Denken des Max Weber. — Historische Zeitschrift, 1965, Bd. 201, S. 557—612.

западнемецкий профессор Бессон в книге «Завербованная наука, или задачи современной общественной науки». Здесь он советует, как избежать опасности неравного распределения социальных знаний между классом господствующим и управляемыми, между буржуазией и народом. Последний нуждается в правильном понимании социальных явлений. История же стала в этом отношении «наукой, утратившей всякое значение».

Неудивительно, что на конгрессе историков ФРГ (Кельн, 1970 г.) была признана необходимость модернизации исторической науки, ибо в нынешнем ее состоянии «она играет жалкую роль последней спицы в колеснице других общественных наук». На первое место была выдвинута борьба против марксистско-ленинских идей, что гораздо лучше можно выполнить, по мнению проф. В. Гетца, с помощью не истории, а социологии.²⁰

Особенно ярко этот процесс проявился в США, ведущей стране капитализма. В американские вузы в 20-х гг. проникла социология и другие социальные науки, обособившиеся от истории как одной из гуманитарных наук. История, по выражению американского философа Мортона Уайта, отошла на «третий план», так как она «ассоциировалась в умах с именами Гегеля и Маркса, т. е. с партийностью, от которой американец хочет быть свободным». В итоге такого развития возросло пренебрежение социологов к истории; сравнительно-исторический метод уступил место структурно-функциональному, изучение генезиса общественного развития сменилось изучением способа функционирования общества, а упадок или распадение капитализма рассматривается как «дисфункция», т. е. как конец нормального существования или «функционирования» общества. Таким образом, любая социальная революция есть явление отрицательное. Историческая социология была и в США вытеснена эмпирической; здесь появились более сотни социологий, в том числе социология радио, кино, прессы, морали, религии, преступности, политики (политология) и т. д. Число социологов-эмпириков, обследователей, собирателей, анализаторов и классификаторов анкетных данных, при ничтожном числе теоретиков, достигло в США более 10 000 (оплачиваемых на 70% монополиями, на 30% — из госбюджета). Задача социологов-теоретиков — использование эмпирических данных об условиях социально-экономической жизни, политических настроениях, взглядах различных общественных групп.

Слабость социологической теории в США — одно из главных следствий разрыва с историей, изгнания из социологии таких понятий, как «социально-экономическая формация», «законы общественного развития», «классы и классовые антагонизмы», «прогресс» и т. д., а также мнимого разрыва с «идеологией» ради маскировки реакционной партийности.

²⁰ См.: Antoni C. Dalla Storia alla Sociologia. Milano, 1940; Современная философия и социология в ФРГ. М., 1971, с. 145; Probleme der Geschichtsmethodologie. Berlin, 1972, S. 300—307.

Ведущий социолог этого реакционного направления — Толкот Парсонс изучает связи общественной структуры с точки зрения ее устойчивости и «структуру личности», выполняющей определенную социальную роль.

Не классовые антагонизмы характеризуют систему капитализма, а силы, ее охраняющие, обеспечивающие ее «бесконечное» существование и развитие. Структурно-функциональный анализ подчинен у Парсонса задаче сохранения капиталистической системы. Парсонс и Огберн — инициаторы замены понятия «класс» понятием «социальная роль»; вместо слова «прогресс» они употребляют выражение «социальное изменение» (Change social). Парсонс делит все общества на активные (это в первую очередь американское общество) и пассивные (общества в странах «тоталитарного режима» и в «развивающихся странах Азии и Африки»). Понятие «класс» Парсонс заменил словом «страты» (слои), а понятие «классовая структура» — словечком «стратификация», т. е. расслоение. Разумеется, все эти словесные выверты необходимы для полного разрыва с марксистской терминологией.²¹

Другой видный социолог — «персоналист» Флюеллинг — объявил теорию общественного развития «марксистской выдумкой», а трудовой народ, массу — «пычтой пылью под ногами выдающихся личностей». Закономерности в истории он называет вздором, ибо историю делают только выдающиеся личности, их воля. В этом плане написана и книга популярного в США социолога Сиднея Хука «Герой в истории» (1955 г.).²²

Многие американские теоретики вдохновляются консервативными или реакционными идеями немецкого происхождения. Таковы Г. Беккер и К. Липсет, переработавшие конструктивную социологию Макса Вебера в еще более консервативном духе. Для них социология — это наука о структуре общества, история же занимается процессом общественных изменений. Следуя этому, американский историк Тольфсен в своем университетском курсе исторической социологии обосновывает следующие положения: феодального общества нигде и никогда не было, «это конструкция историков, служащая им для сравнения данных о социальном строе некоторых европейских народов», то же относится и к понятиям Ренессанса у Буркгардта, капитализма у Маркса, империализма у Ленина.

Хорошо известен у нас американский социолог Уильям Ростоу, автор теории «Пять стадий роста», придуманной для «ниспровержения» марксистско-ленинской теории общественно-экономических формаций. В основу каждой «стадии» он кладет не характер производственных отношений, не формы эксплуатации труда, а «уровень потребления».

²¹ См.: Parson and others. Theories of Society. V. I. N. Y., 1961.

²² White M. Social Thought in America. N. Y., 1949; Philosophy and History. A Symposium. N. Y., 1963; Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. Сокр. пер. с англ. М., 1972.

В этой связи нельзя не отметить, что единственный среди видных социологов, принадлежащий к прогрессивному направлению, — Райт Миллс — за одну из своих книг, в которой содержится уничтожающая оценка трудов Парсонса и его коллег («В них 50% болтовни, 40% банальностей, 10% идеологии»), был привлечен к суду и приговорен к крупному денежному штрафу, вконец его разорившему.

Итогом однобокого развития социологии как главным образом эмпирической науки, мало связанной с теорией общественных наук и еще меньше с историей, являются: 1) выдвигание структурно-функционального метода, почти полное игнорирование или перенесение на второй план генетического и сравнительно-исторического методов при обобщении конкретных фактов общественного развития; 2) преувеличенное внимание к данным коллективной психологии, антропологии и этнологии при объяснении социальных конфликтов; 3) тенденция обратить социологию в науку о социальном поведении, что завершает отрыв социологии от истории. Став неисторической, социология заняла в США и в ряде других капиталистических стран господствующее положение; ее влияние на историографию при этом значительно возросло, усиливая черты антиисторизма в объяснении исторического процесса. Так, например, в труде Смелсера «Социальные изменения в промышленной революции» (Лондон, 1959) господствует метод функциональной социологии, исключающий анализ классовых противоречий и классовой борьбы. Другой английский историк — Тревор-Ропер при объяснении причин английской буржуазной революции 1640—1649 гг. выдвигает теорию «ренессансного двора», бюрократизации власти, приведшей к росту налогов, недовольству джентри и т. п. проявлениям социального кризиса. Таким образом, революцию в Англии совершило дворянство, «джентри», а не народ. В истории американской революции XVIII столетия американские историки нашли обоснование для элитарной теории: революция эта рассматривается как движение высших слоев общества («элиты»), а движение народных масс, их роль в революции игнорируется или принижается.²³ Во Франции игнорирование буржуазными историками социально-экономических противоречий проявилось в чрезмерном выпячивании внеэкономических факторов, в росте внимания к климатологии, демографии, коллективной психологии, как якобы основным источникам социальных изменений, оставляя в стороне или же отводя второстепенную роль таким решающим факторам, как классовые антагонизмы, эксплуатация масс господствующими классами.

²³ Barnes H. E. *Sociology and History*. N. Y., [1951]; Ogburn W. *Change Social*. In: *Encyclopedia of the Social Sciences*. Vol. III; Runciman W. G. *Sociology in the Place*. Cambridge, 1970.

Следует отметить наличие дискуссий вокруг вопроса о взаимоотношениях истории и социологии и среди марксистов. Это особый и сложный вопрос. Коснемся только одной из попыток его решения, сделанной болгарским философом Н. Стефановым. Социология и история, по его мнению, «едины как необходимая форма познания общественной жизни». Но социология — это теория, раскрывающая закономерность общественной жизни в чистом виде, т. е. свободная от конкретных и подчас случайных признаков, а история раскрывает закономерность в конкретной, иными словами — в исторической форме. При этом «... обе науки — история и социология — едины как форма и содержание, т. е. не могут существовать одна без другой». Эта формула нуждается в уточнении. Достаточно указать на то, что историк современности находит в эмпирической социологии источник ценнейших материалов для понимания современной истории, т. е. главных тенденций, направлений, перспектив развития.

Существующие у нас признаки отчуждения между историей и социологией являются главным образом результатом разделения их между двумя факультетами — историческим и философским. Однако представителям марксистско-ленинской истории и марксистско-ленинской философии и социологии приходится работать во все более тесной связи и взаимодействии. Разрыв между ними будет неизбежно преодолен, поскольку: 1) исторический материализм является общетеоретической основой и для социологии, и для истории; 2) что касается специально эмпирической социологии, имеющей ныне огромное практическое значение, то она, будучи по существу отражением социальной реальности, является основой не только для внутренней (т. е. социально-экономической) политики социалистических государств, но и своего рода экспериментальной основой для марксистско-ленинской новейшей или современной истории (которую англичане называют *history to day*, французы — *histoire d'aujourd'hui*, немцы — *Zeitgeschichte*).

Подводя итоги развитию буржуазной социологии и ее отношению к исторической науке, мы должны в первую очередь отметить необычайный рост и подлинную инфляцию литературы по любым вопросам социологии, разнообразие и взаимопротиворечивость взглядов, определений, оценок и выводов, предлагаемых этой литературой. В результате поставленные в ходе развития социологии вопросы не проясняются, а все более запутываются. Это в первую очередь относится к таким вопросам, как происхождение и задачи социологии, система социологических специальностей, отношение социологии к другим общественным наукам, и прежде всего к истории, к исторической методологии, и в особенности к вопросу о месте социологии в теории других общественных наук. В марксистско-ленинской литературе этой путанице противостоит единство в основном, расхождения касаются главным образом вопроса о соотношении социологии и диалектико-материалистического историзма.

Достаточно взять хотя бы вопрос, являющийся темой данной статьи. Мы можем найти в литературе немало взаимно противоречивых ответов. Одни авторы утверждают, что социология есть вершина истории, другие, — что социология есть историческая философия, третьи, — что социология и история непрерывно сближаются и различие между ними мало-помалу исчезает, а по мнению иных — уже совсем исчезло; четвертые, — что социология и история неразрывны; пятые, — что это науки разные; шестые, — что история — служанка социологии.

Можно предложить следующую схему развития связей и отношений социологии с историей и другими общественными науками.

Первый этап. Социология Кюнта и его последователей. Она рассматривается ими как «научная история» либо как «философия истории». Хронологически это вторая половина XIX в. Во Франции отождествление социологии с научной историей широко принято. Фюстель де Куланж говорил: «Настоящая социология — это история»; А. Берр: «Высшая цель истории — стать социологией прошлого». Англичанин Ренсимен даже заявил: «Между историей и социологией нет существенной разницы». Впрочем, этот взгляд не нашел поддержки. В начале XX в. социологические понятия используются при анализе исторических проблем. Исторический подход дополняется социологическим. Появляются специальные социологии — искусства, литературы, права, религии и т. п. В ряде стран возникают социологические центры, ассоциации, специальные журналы; социология усваивает ряд понятий философии истории.

Второй этап. Социология полностью отделяется от истории, но использует исторические факты для иллюстрирования своих положений и выводов. Многие социологи подчеркивают тесную связь социологии и истории, единство их методов: социология, применяя сравнительно-исторический метод, делает широкие обобщения, устанавливает общественные закономерности. В качестве социологов на этом этапе выступают философы с историческим или историки с философским уклоном. Социология и история еще не разъединились, а различаются лишь неодинаковым подходом к историческому материалу и неодинаковым соотношением элементов общего и особенного.

Третий этап. Буржуазная социология совершенно отрывается от истории, занимается только общим и чаще всего современным, особенно интересуется обобщениями и объяснениями широких общественных процессов, но не их генезисом. Социология и история все более отдаляются друг от друга, обособляются в отдельные науки, причем социология претендует на монополию в деле широких обобщений, используя исторические труды как «сырье». Это 30-е и 50-е гг. нашего столетия.

Современный этап. Широкое развитие эмпирической социологии, не имеющей прямого отношения к истории и в сущности науки нефилософской. Отрицание буржуазной социологией общих

законов развития. Вместо сравнительно-исторического и генетического методов исследования выдвигается структурно-функциональный метод. Усиливается влияние на буржуазную социологическую теорию относительно новых социальных наук: коллективной психологии, психоанализа, сравнительной антропологии и этнографии. Усиливается тенденция превращения социологии в науку о социальном поведении. В капиталистических странах, особенно в США, социология завоевывает господствующее место среди всех общественных наук.

В настоящее время социология, как и все социальные науки, находится в непрерывном движении: продолжает расти число специальных общественных наук, их значение и их функции. В ходе всемирно-исторического процесса используются все новые данные, чему способствует расширение и углубление экономических, политических и культурных связей между народами и особенно замечательные успехи социалистического содружества наций во главе с СССР.

